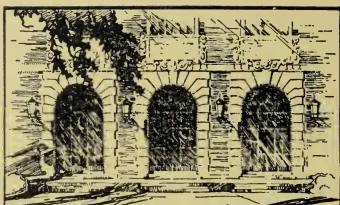

914.371

K83p

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

914.371

K83p

65650
Г. В. Комаровъ.

По славянскимъ землямъ

Послѣ Пражскаго съѣзда

I. Поѣздка по Чехіи.

II. По Галицкой Руси.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «Свѣтъ», Невскій, 136.
1908.

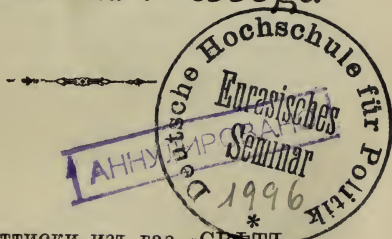
Sc 2

Г. В. Комаровъ.

ПО ЧЕХИИ

Послѣ

Пражскаго съѣзда

Отдѣльные оттиски изъ газ. «СВѢТЪ».

Типографія Т-ва «СВѢТЪ», Невскій, 136.

—
1908.

914.371

K 83p

1.

Нѣчто совершенно волшебное, сказочное представляетъ поѣздка русскихъ по Чехіи съ цѣлью ознакомленія со страной. Трудно передать ту невѣроятно красивую панораму, которая промелькнула передъ нами. Какъ-то не вѣрилось, что живешь на яву и часто казалось, что грезишь и переживаешь во снѣ чудную, волшебную сказку изъ «Тысячи и одной ночи».

Когда стало извѣстнымъ, что русскіе делегаты хотятъ видѣть не только Прагу, но желаютъ заѣхать въ какой-нибудь провинціальный городъ и если можно, то въ какую-нибудь деревню, чтобы ближе ознакомиться съ бытомъ страны,—то въ Прагу пріѣхалъ городской голова г. Табора и пригласилъ русскихъ посѣтить первымъ этотъ историческій городъ.

Къ русскимъ присоединились поляки, болгары, сербы, хорваты, словинцы и, конечно, наши хозяева—чехи.

Русскихъ поѣхало 22, въ томъ числѣ 6 дамъ, поляковъ 5, болгаръ 3, сербовъ хорватовъ 2 и 1 словинецъ. Кромѣ того, съ нами ѣдетъ нѣсколько чеховъ — участниковъ съѣзда, членовъ парламента, а также дочь члена съѣзда красавица чешка М-ле Дюрихова.

Выѣздъ изъ Праги былъ въ воскресенье

6 іюля въ 7 час. у. На все время поѣздки намъ былъ предоставленъ особый экстренный поѣздъ изъ трехъ вагоновъ перваго класса.

Во всѣхъ вагонахъ мы нашли много русскихъ и чешскихъ флаговъ.

Мы ѣхали на поѣздѣ, который не останавливался на всѣхъ станціяхъ и до Табора долженъ былъ имѣть только двѣ остановки.

Черезъ четверть часа по выѣздѣ изъ Праги, мы услышали отдаленные крики «наздаръ» и могучіе звуки нашего родного гимна.

Высунувшись изъ оконъ, мы увидали, что нашъ поѣздъ быстро проходитъ мимо небольшого городка.

На платформѣ, въ центрѣ стоялъ во фракѣ городской голова, около него все городское управленіе, а кругомъ былъ расположенъ цѣлый рядъ депутацій, которыя красиво выдѣлялись своими костюмами.

На перронѣ была масса народа, впереди въ бѣлыхъ платьяхъ съ цвѣтами въ рукахъ стояли дамы, которыя, не смотря на ранній часъ, пришли насъ привѣтствовать, зная, что поѣздъ здѣсь даже не остановится.

Сбоку оркестръ музыки игралъ «Боже царя храни».

Мы въ окна махали чешскими флагами и кричали «наздаръ, наздаръ, наздаръ чехамъ».

Съ этой минуты наша поѣздка стала сплошной грандіозной манифестаціей; началась одна непрерывная восторженная овація.

Еще два раза прошелъ нашъ поѣздъ, не останавливаясь. Два раза мы видѣли вокзалы, полные народа, впереди во фракѣ

городской голова, все общественное управление, депутаціи, дамы, которыя бросаютъ цвѣты намъ въ окна и слышали чудные, величественные звуки русскаго гимна.

До Табора мы остановились два раза, въ городахъ Мниховицахъ и Бенешовъ. Оба раза происходило нѣчто грандіозное. Встрѣчать насъ выходило много-много тысячъ народа, депутаціи разныхъ обществъ, сокола въ своихъ живописныхъ костюмахъ, дамы съ цвѣтами, народныя школы, рабочія организаціи.

По всей Чехіи произвело большое впечатлѣніе, что русскіе (и только русскіе), которые пріѣхали на съѣздъ въ Прагу, почти всѣ сейчасъ же записались въ сокола. Къ намъ сокола относились особенно любовно и всюду выходили насъ встрѣчать со знаменами, на которыя смотрятъ какъ на святыню и которыя вообще выносятъ очень рѣдко.

Поѣздъ подходилъ при громкихъ крикахъ «наздаръ». Мы выходили изъ вагоновъ. Дамы насъ украшали цвѣтами. Городской голова говорилъ привѣтственную рѣчь. Ему отвѣчали Красовскій, гр. Бобринскій или Маклаковъ; часто послѣ русскаго отвѣта говорили еще поляки, болгары, сербы, каждый на своемъ языкѣ. Послѣ рѣчи головы мы всѣ шли къ соколамъ, которые стояли рядомъ въ строю съ развернутымъ знаменемъ. Говорилъ сокольскій староста этого мѣста. Сейчасъ же говорилъ кто нибудь изъ русскихъ.

Всѣ рѣчи покрывались и постоянно прерывались громкими криками «наздаръ», ура, выборне (отлично).

Знамена соколовъ склонялись передъ участниками съѣзда, осуществившими на дѣлѣ святую идею славянскаго единенія.

Насъ обнимали, цѣловали. Поѣздъ всегда уходилъ при общемъ пѣніи чешскаго гимна: «гдѣ домувъ мой» или пѣсни «гей, славяне».

..*

Въ городъ Таборъ мы пріѣхали около десяти часовъ утра.

Встрѣча громадная. Народъ вездѣ, куда только глазъ хватаетъ: на вокзалѣ, на площади, на крышѣ, на деревьяхъ. Поѣздъ подходитъ при громкихъ звукахъ музыки. Общее «наздаръ».

Мы выходимъ. Полиція и желѣзнодорожное начальство отдаетъ намъ честь. На перронѣ депутаціи, сокола въ строю съ развернутыми знаменами. народныя школы, дѣти бросаютъ цвѣты. Дамы прикалываютъ намъ бутонырки съ русскими національными лентами, на которыхъ написано «въ память посѣщенія г. Табора 19 іюля 1908».

Послѣ рѣчей городского головы, старосты соколовъ, представителей разныхъ организацій и восторженныхъ овацій, мы завтракаемъ на вокзалѣ. Стоитъ несмолкаемый гулъ отъ тостовъ, рѣчей и привѣтствій. Все время играетъ музыка.

Послѣ завтрака подаютъ двадцать экипажей, мы садимся и насъ тихо, триумфальнымъ шествіемъ черезъ весь городъ везутъ къ ратушѣ. Весь городъ убранъ русскими и чешскими флагами.

Невозможно описать общаго энтузіазма. На всемъ нашемъ пути пообѣимъ сторонамъ

улицы, стоитъ сплошь народъ, который привѣтствуетъ насъ громкими криками «наздаръ, ура руссо́ве, да живетъ славянское единеніе».

Мы машемъ чешскими флагами и кричимъ: «наздаръ чехамъ». Изъ всѣхъ оконъ, гдѣ мы проѣзжаемъ, машутъ флагами, платками и бросаютъ въ наши коляски цвѣты.

Торжественное шествіе остановилось передъ ратушей на исторической площади города.

На этой площади училъ народъ правдѣ и справедливости великій борецъ за свободу, святой Янъ Гусъ. Не разъ эта площадь заливалась кровью, когда здѣсь на нѣмецкихъ плахахъ клали свои головы лучшіе сыны Чехіи, отстаивая свою независимость. На площади передъ соборомъ высоко возвышается памятникъ великому Жишкѣ. Много лѣтъ подъ-рядъ водилъ онъ чешскія войска къ побѣдамъ надъ нѣмцами и умеръ слѣпой, ни разу ими не побѣжденный.

Когда мы подѣхали къ площади, она вся чернѣла отъ массы головъ. Слушать русскихъ пришло никакъ не менѣе десяти тысячъ человѣкъ.

Передъ ратушей былъ устроенъ помостъ, красиво убранный коврами и отсюда подъ открытымъ небомъ начались рѣчи.

Городской голова Табора Котрбельце привѣтствовалъ гостей отъ имени своего города. Онъ говорилъ, что вся Чехія съ надеждой въ сердцѣ, долго долго ожидала всеславянскаго съѣзда, эти дни души всѣхъ чеховъ были въ Прагѣ, и блестящій ус-

пѣхъ съѣзда окрылилъ всѣхъ на дальнѣйшую работу славянскаго единенія, на началахъ всеобщаго братства свободы и равенства.

Говорили рѣчи предсѣдатель русской делегаціи Красовскій, членъ Государственной Думы Искрицкій, отъ поляковъ членъ Думы Свенцицкій, отъ болгаръ министръ Люцкановъ, отъ лица хорватъ—Радичъ и отъ поляковъ Добржинскій.

Всѣ говорили о всеславянскомъ единеніи и о совмѣстной культурной работѣ. Всѣ рѣчи покрывались шумными, долгими аплодисментами. Каждый ораторъ говорилъ на языкѣ своего народа. Передъ каждымъ ораторомъ провозглашали: «отъ лица такой-то депутаціи — говорить такой-то».

Съ площади гостей провели въ ратушу, это очень старинное, оригинальное зданіе, построенное еще далеко раньше времени святаго Яна Гуса, отъ котораго въ музеѣ осталось много очень интересныхъ вещей. Берегутъ ихъ здѣсь, какъ зѣницу ока.

Съ совершенно особеннымъ чувствомъ я долго разсматривалъ актъ величайшей подлости и безчестія.

Когда Гусъ получилъ приглашеніе отъ германскаго императора Сигизмунда пріѣхать на духовный соборъ въ Констанцъ, то чехи не пускали его туда ѣхать, зная къ нему ненависть паны и императора. Тогда Сигизмундъ далъ ему свое императорское слово, что если Гусъ пріѣдетъ, то онъ будетъ находиться подъ его личной охраной и можетъ уѣхать домой въ Чехію, когда захочетъ. Кромѣ того, онъ прислалъ Гусу императорскую буллу (письмо) съ

своей золотой печатью, гдѣ пишетъ, чтобы Гусъ не беспокоился, такъ какъ онъ беретъ его подъ свою защиту.

Гусъ повѣрилъ императору и поѣхалъ на Констанскій соборъ.

Когда онъ пріѣхалъ, его немедленно же по приказу императора посадили въ тюрьму, а черезъ двѣ недѣли этого мученика на площади сожгли живымъ на кострѣ.

Эта булла составляетъ самую большую достопримѣчательность музея и хранится въ особой витринѣ.

II.

Послѣ осмотра ратуши и музеевъ мы снова сѣли въ экипажи и насъ повезли показывать городъ.

Мѣстоположеніе Табора необыкновенно красиво. Онъ расположенъ на высокой горѣ, которая съ трехъ сторонъ совершенно отвѣсно спускается къ рѣкѣ, которая почти окружаетъ городъ. Постоянно открываются чудные далекіе виды.

Городъ Таборъ имѣетъ для Чехіи огромное историческое значеніе. Здѣсь былъ центръ гусистскаго движенія. Въ Таборѣ началось національное возрожденіе чеховъ, и отсюда водилъ слѣпой Жишка чешскихъ крестьянъ поражать на-голову нѣмецкихъ рыцарей.

По срединѣ города на очень высокой скалѣ гордо возвышается старая крѣпость, которую въ свое время столько лѣтъ не могли взять нѣмцы. Теперь на верхней площадкѣ главной башни происходитъ нѣчто еще не виданное въ древнемъ Таборѣ. Отсюда звучатъ трубы, громко быють литавры, возвѣщая населенію о радостномъ днѣ. Первый разъ друзей видитъ въ своихъ стѣнахъ крѣпость стараго Табора раньше только враги здѣсь бывали. Много головъ здѣсь положено за то, что не хотѣли чехи быть нѣмцами.

Около часа мы ѣздимъ по городу. Звуки трубъ и литавръ, которые громко играютъ старую чешскую средневѣковую фанфару, сливаются съ кликами населенія, которое все время насъ привѣтствуетъ.

Изъ всѣхъ оконъ машутъ платками, флагами и бросаютъ въ коляски цвѣты. Во многихъ мѣстахъ большими группами стоятъ рабочіе и ихъ крики заглушаютъ даже литавры. Когда мы проѣзжали мимо земледѣльческой академіи, то передъ нею стоятъ, выстроившись, студенты, впереди ихъ профессора.

Мы подъѣзжаемъ къ соколамъ. Насъ встрѣчаютъ. Мы идемъ въ гимнастическій залъ. Всѣ сокола въ строю, на флангѣ знамя, впереди сокольскій староста. Гости садятся. Начинаются рѣчи. Говоритъ старшій соколъ. Ему отвѣчаютъ русскіе, поляки, сербы, болгары, словенцы, хорваты.

Очень красиво говорилъ гр. Бобринскій. Онъ сказалъ: «Мы пріѣхали къ вамъ въ Чехію со всѣхъ сторонъ славянскаго міра. Мы работали въ Прагѣ цѣлую недѣлю надъ великой идеей славянскаго общенія на святыхъ началахъ свободы, равенства и братства. Кажется, Богъ благословилъ нашу работу. Славянъ душили, давили, преслѣдовали, но не погасили нашего духа, нашей вѣры другъ въ друга. И теперь мы видимъ, что великая, святая идея славянскаго единенія, какъ паръ, выходитъ по всей славянской землѣ».

Настроеніе передать невозможно, его надо пережить. Во время рѣчи Бобринскаго сокольскій староста плакалъ какъ ребенокъ.

Когда мы подѣхали къ земледѣльческой академіи, то внизу у входа насъ встрѣтилъ директоръ и весь совѣтъ профессоровъ. Сверху свѣшивался огромный русскій, всеславянскій флагъ. По лѣстницѣ до третьяго этажа стояли шпалерами студенты. Мы проходили среди несмолкаемыхъ криковъ «наздаръ».

Когда мы размѣстились въ актовомъ залѣ, то начался торжественный актъ.

Первымъ говорилъ членъ нашего съѣзда, глава аграрной партіи въ вѣнскомъ парламентѣ—уважаемый депутатъ Дюрихъ. Онъ говорилъ по-русски. Его рѣчь постоянно прерывалась шумными одобреніями.

«Мы чехи, сказалъ онъ, уже много, много вѣковъ ведемъ тяжелую, упорную борьбу за наше существованіе. Борьба осталась та же—оружіе только перемѣнилось. Теперь идетъ борьба духа. Наше оружіе—знаніе и просвѣщеніе. Мы боремся школами. Насъ укоряютъ, что вмѣсто школъ, мы строимъ дворцы. Это правда, но наши школы—это крѣпости. Здѣсь выковывается любовь къ родинѣ, сознаніе своей силы и вѣра въ единое великое славянство».

Директоръ академіи говорилъ, что академія эта чешская, но скорѣе она всеславянская. Изъ 178 студентовъ—чеховъ меньше половины—ихъ 83. Въ академіи учатся всѣ славянскія народности: 18 болгаръ, 12 русскихъ (въ томъ числѣ сынъ члена Государственной Думы Ваньковича), 49 поляковъ, есть сербы, хорваты, словинцы.

Послѣ говорили студенты всѣхъ славянскихъ народностей, каждый на родномъ языкѣ, потомъ члены нашего съѣзда: членъ

Думы Гижицкій, академикъ проф. Бехтеревъ, русскій изъ Галиціи Дудыкевичъ, хорватъ Радичъ, болгарскій министръ Люцкановъ, полякъ Добржинскій и др.

Во время осмотра академіи и музея, русскіе студенты горячо подтверждали за таборской академіей установившуюся за ней репутацію первой земледѣльческой академіи въ Европѣ.

Мы узнали, что при академіи около 100 десятинъ земли, на которой студенты практически, своими руками обучаются культурѣ полей, садовъ и огородовъ. Профессорскій составъ по общимъ отзывамъ очень высокъ. Академія—это высшее учебное заведеніе, русскимъ для поступленія надо привести свидѣтельство объ окончаніи гимназіи или реального училища.

Курсъ хотя двухлѣтній, но большой и приходится очень много работать. Плата за ученіе 80 рублей въ годъ, кромѣ того, жизнь стоитъ около 600 рублей въ годъ. Общежитія нѣтъ. Всѣ живутъ на отдѣльныхъ квартирахъ. Незнаніе языка не мѣшаетъ. Черезъ мѣсяцъ, всякій русскій говоритъ по-чешски совершенно свободно.

* * *

Около двухъ часовъ начался обѣдъ, который давалъ гостямъ городъ Таборъ. Предсѣдательствовалъ городской голова, справа отъ него сидѣлъ глава русской делегаціи М. В. Красовскій, а слѣва полякъ изъ Кракова, панъ Адамъ Добржинскій.

Столъ былъ накрытъ на сто человекъ. Нашъ пріѣздъ считали народнымъ праздникомъ и городское управленіе Табора вызвало всѣхъ городскихъ головъ и сельскихъ старостъ Таборской округи, которые и обѣдали всѣ вмѣстѣ съ нами.

Столъ былъ роскошно убранъ русскими національными лентами и большими букетами, красиво перевязанными бѣло-синими красными бантами. На верху надъ нами была перевита и постоянно сплеталась масса лентъ русскихъ національныхъ цвѣтовъ.

Мы обѣдали въ первомъ этажѣ. Масса народа стояла около оконъ и на площади. Часть нашей комнаты и сосѣднія заняли студенты.

Былъ цѣлый рядъ блестящихъ рѣчей. Рѣдкую, одну изъ самыхъ лучшихъ рѣчей на съѣздѣ сказалъ Маклаковъ: студенты устроили ему цѣлую овацію.

«Много вѣковъ—страстно говорилъ Маклаковъ—славянство дожидалось этихъ дней; много вѣковъ славяне жили разрозненными, забывъ другъ о другѣ, не интересуясь другъ другомъ, рѣдко помогая другъ другу и часто ссорясь между собой. И это было такъ ненормально, такъ противоестественно, что часто являлось страстное желаніе покончить съ ссорами, рождалась мысль объединенія; но мысль не привела ни къ чему.

Судьбѣ было угодно, чтобы тотъ врагъ, который выросъ на нашихъ раздорахъ, самъ же и заставилъ насъ сплотиться.

Надо было, чтобы предварительно общей совмѣстной заботы, каждый славянскій народъ, каждый въ отдѣльности, понялъ бы и силу врага и радость своего освобожденія.

Теперь это сдѣлано, моментъ объединенія наступилъ. Славянскіе народы прошли черезъ суровую школу; они выходятъ изъ нея побѣдителями.

Мы окунулись въ самое сердце нашихъ чешскихъ братьевъ, мы видѣли въ Чехіи все, что составляетъ силу народа: и развитіе ихъ культуры, и упорство ихъ государственной мысли, и страстность ихъ патріотизма, и развитіе ихъ общественной самодѣтельности.

И мечта объ общеславянскомъ единствѣ перестаетъ быть мечтою; она навязывается всѣмъ намъ исторіей.

И мы пришли отъ всѣхъ славянскихъ народовъ, пришли и отъ мощной и великой Россіи, къ которой я гордъ и счастливъ принадлежать. И она тоже несла свой тяжелый, историческій крестъ; и она не могла развиваться свободно, и ея силы гибли на радость и потѣху врага. Но часъ освобожденія наступилъ и для насъ, и въ широкомъ масштабѣ, свойственномъ великому народу, Россія перенесла всѣ несчастія и безуміе и переживаетъ теперь возрожденіе.

Удивительно трогательное слово сказалъ москвичъ, проф. финансоваго права Озеровъ. Его рѣчь вызвала цѣлую бурю энтузіазма.

Онъ говорилъ, что раньше никогда славянскимъ вопросомъ не занимался, націоналистомъ не былъ и на всеславянскій съѣздъ въ Прагу ѣхалъ настроенный крайне скептически. То, что онъ видѣлъ на съѣздѣ въ Прагѣ, его подавило, перевернуло все его міросозерцаніе и онъ понялъ, какъ былъ онъ неправъ и какъ глубоко заблуждался. Всю свою жизнь теперь онъ будетъ работать надъ великой задачей славянскаго единства и радъ, что можетъ проповѣдывать эту истину тѣмъ, кто ее еще не позналъ.

Мой сосѣдъ, членъ Госуд. Думы Ключевъ плачетъ и говоритъ: Боже мой, Боже мой, 34 года назадъ, когда я былъ бѣднымъ учителемъ и жилъ въ богатомъ домѣ, я тамъ часто встрѣчалъ учителя чеха. Онъ мнѣ рассказывалъ про свою далекую родину, про ея горы, долины, какъ живетъ тамъ народъ, какъ онъ работаетъ, какія у него хорошія школы; какъ онъ любитъ и вѣритъ въ русскихъ, и какъ ему тяжело отстаивать свою національность и тогда я думалъ, увижу ли я когда нибудь эту прекрасную страну.

И вотъ я здѣсь. Богъ далъ мнѣ это счастье. Но я уже старъ. Зачѣмъ я не юноша, тогда и я могъ бы начать работать вмѣстѣ съ вами святому славянскому дѣлу.

За обѣдомъ гостямъ раздавали чудныя фарфоровыя вазочки и разныя другія вещи, которыми славится г. Таборъ.

Послѣднимъ говорилъ предсѣдатель обѣда, городской голова. Онъ взялъ руки Красовскаго и поляка Добржинскаго, которые сидѣли по обѣ его стороны и сказалъ:

«Мы всѣ работаемъ для единого славянства и хотимъ, чтобы оно жило на основахъ свободы, равенства и братства. Мы счастливы что дожили до примиренія нашихъ старшихъ братьевъ русскихъ съ поляками. Недавно, еще мѣсяцъ тому назадъ мы не могли объ этомъ даже мечтать и это могло бы составлять только самую конечную цѣль нашего съѣзда».

Съ этими словами онъ соединилъ руки Красовскаго и Добржинскаго, которые обнялись и поцѣловались.

Въ 4 часа мы съ экстреннымъ поѣздомъ

уѣхали изъ Табора въ городъ Писекъ.

На вокзалѣ насъ провожали массы народа, говорили рѣчи, при необыкновенномъ общемъ подъемѣ, многочисленная толпа пѣла патріотическія пѣсни «Гей славяне», «Сокольскій маршъ» и др.

Поѣздъ отошелъ при общемъ пѣніи чешскаго гимна «гдѣ домувъ мой». Въ окна намъ бросали цвѣты.

Мы высунулись изъ вагоновъ, махали чешскими флагами и кричали «наздаръ», спасибо Табору, никогда не забудемъ Табора».

Отъ Табора до Писека ѣзды полтора часа, все время мы ѣхали по гористой, удивительно живописной мѣстности.

Всѣ деревни по пути нашего проѣзда убраны русскими и чешскими флагами. Четыре раза нашъ поѣздъ останавливался, такъ какъ четыре раза насъ ждали на станціяхъ встрѣчи съ массами народа, говорили рѣчи, насъ осыпали цвѣтами и мы, растроганные до глубины души, уѣзжали, чуть не плача подъ звуки общаго пѣнія «гдѣ домувъ мой».

Необыкновенно трогательно было видѣть, какъ во многихъ мѣстахъ проходящій поѣздъ привѣтствовали группы крестьянъ и рабочихъ. Рабочіе кричали: «наздаръ Русове, наздаръ поляци, сербы, болгары, наздаръ всѣ славяне».

Въ Писекъ мы пріѣхали въ началѣ шестого часа дня.

III.

Писекъ одинъ изъ пограничныхъ городовъ Чехіи, въ 34 верстахъ отъ него уже проходитъ граница Баваріи.

У чеховъ къ городу Писеку какое-то особенно теплое чувство. Когда на всесокольскій слетъ въ Прагу слетаются сокола со всѣхъ уголковъ Чехіи и когда мимо публики проходятъ строемъ сокола изъ Писека, то у каждого чеха рука какъ-то инстинктивно приподымаетъ шляпу выше, а крики «наздаръ соколамъ съ города Писку» всегда почему-то выдѣляются.

Всѣ знаютъ, что когда настанетъ часъ суда Божія и когда разразится страшное, но неизбежное столкновеніе между германскимъ и славянскимъ міромъ, то городъ Писекъ первымъ увидитъ врага и первыми, кто ляжетъ костями за святое дѣло, это сокола города Писека.

Встрѣча въ Писекѣ будетъ до гроба памятна всѣмъ участникамъ. Десять тысячъ крестьянъ изъ окрестныхъ деревень пришли утромъ въ городъ, чтобы привѣтствовать русскихъ.

На вокзалѣ насъ встрѣтило все городское управленіе, цѣлый рядъ депутацій, народные школы, масса дѣтей съ цвѣтами, соко-

ла съ развернутыми знаменами и много, очень много народа.

Когда мы вышли изъ вагоновъ и когда смолкли крики «наздаръ Русове», то городской голова Спирханзель, членъ вѣнскаго парламента, сказалъ прекрасную рѣчь, резюмируя работы пражскаго съѣзда и привѣтствуя гостей, которые пріѣхали со всѣхъ сторонъ далекаго, обширнаго славянскаго міра. Отвѣчалъ В. М. Красовскій.

Когда гр. В. А. Бобринскій говорилъ соколамъ, онъ сказалъ, что всѣ русскіе глубоко чтутъ и уважаютъ идею чешскаго сокольства. Какъ только русскіе пріѣхали въ Прагу, почти вся делегация просила принять насъ въ составъ вашихъ соколовъ. Мы будемъ распространять ваше дѣло въ Россіи и молимъ Бога, чтобы Онъ послалъ намъ такое же единеніе, какъ у васъ, соколовъ, въ Чехіи.

Съ этими словами Бобринскій взялъ сокольское знамя и поцѣловалъ его. Невозможно передать, что произошло послѣ этого. Слѣдующій ораторъ не могъ долго начать своей привѣтственной рѣчи отъ громкихъ, восторженныхъ криковъ восторженной толпы.

Насъ буквально засыпали розами. Розы были связаны по цвѣ, ярко-красная и бѣлая образовали такимъ образомъ цвѣта чешскаго національнаго флага.

* *

Въѣздъ русскихъ въ городъ былъ какимъ то триумфальнымъ шествіемъ. Улицы полны народа. Ликованіе необычайное. Надъ городомъ гулъ стоитъ отъ криковъ и непрерывныхъ овацій. Вездѣ русскіе флаги,

въ окнахъ масса народа, всѣ бросаютъ цвѣты.

Русскіе ѣдутъ въ коляскахъ съ непокрытыми головами, многіе ѣдутъ въ коляскахъ стоя, всѣ машутъ чешскими флагами.

Рядомъ съ нами, въ строю, съ развернутымъ знаменемъ идутъ — дѣшіе «Сокола». Впереди оркестръ музыки.

Когда мы въѣзжаемъ въ самый городъ, то Бобринскому и Гижицкому подводятъ двухъ лошадей, даютъ сокольскія шапочки съ соколиными перьями, и наши русскіе сокола ѣдутъ въ конномъ строю впереди своихъ чешскихъ товарищей.

Когда Бобринскій садится, лошадь подъ нимъ сильно брыкается и хочетъ его сбросить. Бобринскій ее умѣло сдерживаетъ и быстро успокаиваетъ. Толпа въ восторгѣ. Слышны возгласы: «Ишь братъ, русъ-то молодець, русъ ничего не боится, наздаръ братья русове».

Передъ гостинницей насъ всѣхъ снимаютъ, затѣмъ до вечера показывали городъ.

Отмѣчаю характерный штришокъ. Русскій флагъ признанъ общеславянскимъ. Въ Прагѣ, гдѣ были представители всего славянскаго міра, русскій трехцвѣтный бѣло-синекрасный флагъ привѣтствовалъ не только русскихъ, но и болгаръ, поляковъ, сербовъ и вообще всѣ славянскія народности. Когда въ Писекѣ я что-то спросилъ у городского головы про общеславянскій флагъ, то онъ сказалъ, что такихъ флаговъ у нихъ въ городѣ еще нѣтъ, — вотъ русскихъ флаговъ у насъ за то много.

Въ 9 час. вечера, городъ чествовалъ насъ

ужиномъ. Такъ какъ изъ прѣзда русскихъ дѣлали народное торжество, то большая зала гостиницы была раздѣлена. Одна половина залы была занята длиннымъ столомъ для насъ, а другая была установлена массой маленькихъ столиковъ, занятыхъ публикой.

Столъ былъ убранъ цвѣтами и общеславянскими или, гораздо вѣрнѣе, русскими лентами.

Рѣчи начались съ самаго начала ужина. Шумно были встрѣчены тосты за товарища головы г. Праги Ирусека и главы всѣхъ чешскихъ соколовъ, доктора Шайнера. Оба они ѣдутъ съ нами съ цѣлью придать больше блеска нашей поѣздкѣ.

Настроение неподдается описанію.

Когда раздалися чудные, величественные звуки русскаго гимна, всѣ встали при громкихъ кликахъ. Общій восторгъ былъ такъ великъ, что гимнъ съ самаго начала все время играли при общихъ несмолкаемыхъ крикахъ «ура» и «наздаръ». Съ площади несло: «Наздаръ, Русове», «Наздаръ, Славяне».

Послѣ гимна толпа на площади запѣла «гдѣ домовъ мой», и въ открытыя окна замелькали сотни разноцвѣтныхъ фонариковъ на длинныхъ шестахъ. Приближалась манифестація студентовъ и рабочихъ.

Мы всѣ вышли на крыльцо и на улицу. Начались рѣчи. Говорили Бобринскій, проф. Озеровъ, Маклаковъ и замѣчательно хорошо Ключевъ. Ключевъ необыкновенно прочувствованно говорилъ о заслугахъ и значеніи чешскаго народнаго учителя, который провелъ въ народъ всю эту культуру и далъ

ему ту мощь и силу, которой мы теперь восторгаемся.

Студенты, узнавъ, что членъ Думы Ключевъ былъ раньше самъ народнымъ учителемъ, подняли его на руки и долго качали.

Огромное впечатлѣніе произвела рѣчь рабочаго партіи народныхъ социалистовъ.

Онъ говорилъ:—«Слава Богу, что чехи культурнѣе другихъ народовъ, мы уже сумѣли справиться съ разлагающимъ зломъ социализма и сдѣлали социализмъ національнымъ. Мы, чешскіе рабочіе, благодаря нашей культурѣ, нашимъ организаціямъ, не идемъ больше на глупыя, громкія фразы, которыми насъ прежде ловили. Мы, чешскіе социалисты, всѣ глубоко національны и выше всего ставимъ идею великаго славянства».

Въ это время надъ городомъ разразилась сухая гроза. Дождя не было, но на небѣ все время сверкали яркія зарницы. При ихъ ослѣпительно бѣломъ блескѣ, вдохновенная фигура рабочаго, съ его фанатичными рѣчами, производила прямо неизгладимое впечатлѣніе.

Говорили поляки, болгары, сербы и хорваты.

Но вотъ манифестація стала уходить при общемъ пѣніи «Гей славяне».

Ужинъ и рѣчи затянулись до часу ночи.

IV.

Изъ Писека мы выѣхали въ понедѣльникъ, въ восемь часовъ утра. У подъѣзда стояло двадцать колясокъ. Передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ пришла группа городскихъ дамъ и въ каждую коляску положила по большой корзинкѣ персиковъ.

Маршрутъ былъ таковъ. Около сорока верстъ мы должны были проѣхать на лошадахъ черезъ историческій замокъ Зви-ковъ, небольшой городокъ Орликъ и цѣлый рядъ селъ и деревень, около пяти часовъ сѣсть на поѣздъ и въ 9 час. вечера быть въ Прагѣ.

Погода чудная. Всѣ коляски убраны русскими и чешскими флагами. Насъ провожаетъ городской голова города Писека.

Наша поѣздка—это была сплошная овація, одно триумфальное шествіе. Насъ встрѣчали во всѣхъ деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ. Вездѣ все населеніе на улицахъ, всѣ дома убраны флагами, насъ приветствуютъ депутаціи, народныя школы, массы дѣтей, «сокола» со знаменами, намъ подносятъ хлѣбъ соль, говорятъ рѣчи, русскіе отвѣчаютъ, насъ обнимаютъ, цѣлуютъ...

Крестьяне на поляхъ бросаютъ работы, выходятъ на дорогу и кричатъ: «Наздаръ

Русове»; тѣ, которые далеко, кричатъ: «Наздаръ» и машутъ граблями, платками, шляпами.

У одинокой кузницы вышла вся семья, мать держитъ на рукахъ маленькаго трехлѣтняго ребенка, его рукой крестить русскихъ, говоря: «никогда не забывай ихъ, это наши родные, сѣверные братья».

Когда мы подъѣзжали къ Орлику, старуха изъ окна второго этажа бросала цвѣты въ коляску и плакала. Во время остановки я зашелъ къ ней и спросилъ ее, отчего она плакала. Она отвѣтила: «Какъ же мнѣ не плакать, я семьдесятъ лѣтъ ждала этого святаго дня, славянскаго единенія. Я скоро умру, но въ какихъ бы страшныхъ мученіяхъ я ни умирала, я буду всегда благословлять сегодняшній день».

Въ одной деревнѣ католическій священникъ стоялъ у окна и сверху благословлялъ проѣзжающихъ русскихъ.

То, что мы видѣли, переживали, было слишкомъ грандіозно и ужасно било по нервамъ. Гр. Бобринскій говорилъ мнѣ, что по крайней мѣрѣ десять разъ онъ чувствовалъ въ горлѣ спазмы, и ему стоило большихъ усилій сдержаться, чтобы не расплакаться. Сначала, когда я до глубины души потрясенный тѣмъ, что происходило вокругъ меня, не могъ удержать слезъ, я чувствовалъ себя ужасно неловко, но я значительно успокоился, видя какъ плакалъ членъ Думы Гижицкій и Клюжевъ, а на митингѣ рабочихъ въ Прагѣ у Клофа—почти всѣ мои товарищи.

У одной фермы насъ встрѣтило человѣкъ сто. Намъ принесли хлѣба, воды, ягодъ и

конечно очень много цвѣтовъ. Впереди стояло много дѣтей въ бѣлыхъ платьицахъ. Когда мы всѣ вышли изъ экипажей, одна дѣвочка вышла впередъ и прочитала по бумажкѣ:

«Братья русскіе, будемъ жить всѣ дружно. Намъ чехамъ часто приходится очень тяжело, насъ угнетаютъ, преслѣдуютъ, насъ мало, а нашъ общій врагъ силенъ. Надо сдѣлать такъ, чтобы каждый изъ насъ значилъ сто человѣкъ, а для этого надо жить дружно и помогать другъ другу. Братья русскіе, будемъ всегда едины».

Мы всѣ аплодировали, благодарили и просили ее повторить. Когда черезъ нѣсколько минутъ мы уѣхали, то Бобринскій оставилъ ей группу членовъ Гос. Думы въ «сокольскихъ» костюмахъ, на которой [всѣ участники тутъ же расписались.

Все время мы ѣхали по удивительно живописной, гористой мѣстности. Проѣзжали мимо прекрасно обработанныхъ полей, съ огромнымъ урожаемъ, часто выходили изъ экипажей и смотрѣли обработку земли, плуги, машины, которыми убираютъ жатву. Проѣзжая лѣсами, я удивлялся тому труду, который здѣсь положенъ. Въ лѣсахъ, которые тянутся цѣлыми верстами, каждое деревцо посажено руками человѣка, квадратами, въ правильномъ порядкѣ. Весь лѣсъ вычищенъ, подчищенъ, сучка нѣтъ лишняго.

Около 11 час. мы подѣхали къ древнему историческому замку Звикову. Онъ расположенъ между горами, на высокой неприступной скалѣ. Съ трехъ сторонъ его огораживаетъ рѣка Влтава.

Звиковъ раньше считался самой сильной неприступной чешской крѣпостью. Въ черные годы страшнаго лихолѣтя, когда приходили нѣмцы и приносили въ прекрасную Чехію огонь, смерть и общее разрушеніе, то сюда, въ Звиковъ, переносилась и здѣсь сохранялась корона святого Вацлава, символъ независимости и свободы чешской земли.

Когда мы подъѣзжали къ старому Звикову, то съ его стѣнъ гулко стрѣляли пушки. Въ воротахъ насъ встрѣтилъ смотритель замка, рядомъ съ нимъ стояла его дочь и предлагала намъ хлѣбъ-соль.

Намъ показали весь замокъ. Мы видали старыя залы, башни, бойницы, внутренній дворъ, гдѣ происходили турниры и состязанія рыцарей и балконы, откуда сверху на рыцарей смотрѣли прекрасныя дамы.

Во время завтрака въ нашу честь все время стрѣляли пушки.

Отъ Звикова до Орлика насъ ждали и привѣтствовали во всѣхъ деревняхъ. Подъѣзжая къ одной деревнѣ, мы около двухъ верстъ ѣхали аллеей, гдѣ на каждомъ деревѣ было перекрещено по два небольшихъ флажка, одинъ русскій, другой чешскій.

* * *

Въ Орликѣ намъ предложили осмотрѣть старинный замокъ князей Шварценберговъ, въ которомъ и понынѣ живетъ представитель этого лучшаго чешскаго рода. Князь Шварценбергъ двѣ недѣли назадъ уѣхалъ въ Карловы Вары (по-нѣмецки Карлсбадъ) и узнавъ, что делегаты всеславянскаго съѣз-

да будутъ проѣздомъ въ Орликѣ, телеграммой предложилъ осмотрѣть его замокъ.

Съ большимъ интересомъ осматривалъ я замокъ Орликъ. Меня давно интересовало отношеніе чешской аристократіи къ своему народу. Чехи всегда говорятъ, что у нихъ нѣтъ аристократіи, что ихъ аристократія не національная. Къ крайнему сожалѣнію это правда. Чешской аристократіи давно уже нѣтъ, есть только аристократія въ Чехіи.

Послѣ несчастнаго разгрома чеховъ при Бѣлой горѣ въ 1618 году, нѣмцы уничтожили всю чешскую аристократію, самую сильную, богатую и вліятельную, какая только была въ Европѣ.

62 представителя древнѣйшихъ чешскихъ родовъ были обезглавлены въ Прагѣ на площади передъ ратушей, нѣсколько сотъ человѣкъ было замучено въ тюрьмахъ, а оставшіеся въ живыхъ были навсегда изгнаны изъ Чехіи.

Вся чешская аристократія была уничтожена, всѣ ея земли были конфискованы и розданы тѣмъ побѣдителямъ, которые, казалось скорѣе другихъ могли онѣмечить побѣжденную страну.

Огромную часть получилъ тогда князь Шварценбергъ. Съ тѣхъ поръ Шварценберги стали первыми и самыми вліятельными магнатами Чехіи. Ему сейчасъ принадлежитъ болѣе одной трети всѣхъ чешскихъ земель.

Къ чехамъ Шварценбергъ всегда относится свысока и презрительно, помня, что они побѣдители, а чехи побѣжденные.

Въ 1848 г. послѣ переворота въ Вѣнѣ

князь Феликсъ Шварценбергъ, призванный къ власти, первымъ что сдѣлалъ, это настоялъ передъ новымъ императоромъ, чтобы у чеховъ были отняты всѣ тѣ права, которыя они получили. По настоянію князя Шварценберга императорскимъ указомъ было отмѣнено равенство въ Чехіи чешскаго и нѣмецкаго языковъ, которое чехи имѣли и котораго теперь вотъ уже 60 лѣтъ они никакъ не могутъ снова добиться.

Настоящій Шварценбергъ, первый магнатъ Чехіи, другъ императора, членъ вѣнской палаты господъ, свою политическую жизнь въ Чехіи уже кончилъ. Лѣтъ 12 тому назадъ, говоря на чешскомъ сеймѣ о гуситскомъ движеніи, одной изъ лучшей страницъ чешскаго національнаго подъема, онъ назвалъ гуситовъ «сборомъ бродягъ и поджигателей» (*banda lupiců a zharů*).

Поднялся страшный шумъ. Чехи никогда не могли ему этого забыть, и князь Шварценбергъ навсегда сошелъ съ политической арены Чехіи.

Однако, когда я осматривалъ Орликъ, то цѣлый рядъ мелочей обратилъ мое вниманіе. Напримѣръ, подписи подъ тѣми достопримѣчательностями, которыя князь собираетъ у себя въ замкѣ, сдѣланы не по-нѣмецки, а по-чешски, почтовая бумага и открытки, которыя лежали на его письменномъ столѣ, были съ чешскими надписями, а не съ нѣмецкими; на столѣ я обратилъ вниманіе на листъ бумаги, на которой рукою князя Шварценберга было начато что-то по-чешски.

Я подумалъ, неужели же правда, какъ говорятъ нѣкоторые, что Шварценбергъ уже

тяготится быть у себя дома на положеніи пришельца. Развѣ самый фактъ, что въ то время, когда вся нѣмецкая печать позорить и поносить нашъ съѣздъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, онъ пригласилъ насъ въ свой домъ развѣ это уже ничего незначить?

Когда мы ѣхали отъ Орлика дальше, насъ снова всюду шумно привѣтствовали. Въ одномъ мѣстѣ, при перекрещеніи дорогъ, стояло 8 экипажей, откуда намъ махали платками и кричали «наздаръ». Это были фермеры, которые пріѣхали за 30 верстъ, зная, что русскіе должны тутъ проѣхать.

Когда мы сѣли на поѣздъ, на станцію проводить насъ собралась масса народа, говорили рѣчи, нашъ путь украшали цвѣтами, пѣли «чешскій гимнъ» и «гей, славяне».

Передъ отъѣздомъ мы распрощались съ сербами, поляками и болгарами. Мы возвращались въ Прагу, они ѣхали по домамъ съ другимъ поѣздомъ.

Передъ самымъ отходомъ поѣзда, когда мы сидѣли уже въ вагонахъ, болгары подошли вплотную къ вагону, и Люцкановъ, членъ нашего съѣзда, болгарскій министръ сказалъ: «прощайте, братья русскіе. Никогда мы васъ не забудемъ. Всегда русскіе будутъ намъ ближе и дороже всѣхъ другихъ. Знайте, что сердце болгарскаго народа всегда бьется вмѣстѣ съ вами. Прощайте, наши освободители».

До Праги мы ѣхали 4 часа. Насъ встрѣчали на 14 станціяхъ, вездѣ вокзалы были полны народомъ, намъ бросали цвѣты, говорили рѣчи. Въ 5-ти мѣстахъ были прямо-таки грандіозныя манифестаціи, насъ ожи-

дали депутаціи, школы, массы дѣтей, сокола со знаменами и все городское управленіе.

Въ городѣ Прибрамѣ, который славится самыми глубокими серебряными копиями въ мірѣ, на встрѣчу намъ вышли депутаціи рабочихъ горняковъ; здѣсь и еще въ другомъ городѣ, все время нашей остановки, съ сосѣднихъ горъ громко стрѣляли пушки.

Въ Прагѣ всѣ флаги были сняты и городъ показался мнѣ какъ-то совсѣмъ пустымъ. Когда я спросилъ извозчика, онъ отвѣтилъ: «Кончились красные дни, уѣхали наши братья русскіе!»

На слѣдующій день мы еще разъ побывали на выставкѣ и черезъ Галицію поѣхали домой.

До свиданья, Прага!

* * *

Въ Прагѣ я узналъ, что князь Шварценбергъ въ то время, когда мы осматривали его замокъ, былъ не въ Карлсбадѣ, а сидѣлъ у себя въ Орликѣ. Онъ пригласилъ осмотрѣть свой замокъ, но у него не хватило духу открыто принять насъ — участниковъ славянскаго съѣзда.

Князь въ это время сидѣлъ наверху и черезъ маленькое окошечко третьяго этажа съ удивленіемъ смотрѣлъ на смѣлыхъ, сильныхъ людей, которые собрались со всѣхъ концовъ земли, чтобы на непонятномъ ему языкѣ громко говорить о свободѣ, равенствѣ и общемъ братствѣ.

Г. В. Комаровъ.

Письма

ИЗЪ

ГАЛИЦИИ.

Отдѣльные оттиски изъ газ. «СВѢТЪ»

Типографія Т-ва «СВѢТЪ», Невскій, 136

—
1908.

I.

Часть коренного русскаго населенія, не вошедшая въ силу историческихъ событій въ составъ единой великой Россіи, находится теперь въ Австріи подъ ярмомъ нашихъ братьевъ поляковъ, которые за-прещаютъ русскимъ имѣть русскія школы, русскій языкъ, а за послѣднее время даже называться русскими.

Когда поляки жалуются всему міру на свое якобы угнетенное положеніе въ Россіи, то мы никогда не должны забывать о положеніи тѣхъ русскихъ, которые живутъ въ Галиціи.

На пражскомъ съѣздѣ русская делегація въ польскомъ вопросѣ стояла на той точкѣ, что русско-польскія отношенія не могутъ быть рѣшены безъ Галиціи, гдѣ 4.000,000 русскихъ людей находятся въ крайне печальномъ положеніи подъ властью поляковъ.

Ознакомится съ галицкимъ вопросомъ на мѣстѣ поѣхало изъ Праги въ Львовъ 5 русскихъ делегатовъ: члены Гос. Думы гр. Бобринскій и Гижицкій, генералъ Володиміровъ, Е. М. Дементьевъ и Г. В. Комаровъ.

* * *

Вотъ въ краткихъ словахъ исторія Галицкой Руси.

Съ незапамятныхъ временъ восточная Галиція была населена кореннымъ русскимъ племенемъ.

Въ 862 году Галиція пережила призваніе Рюрика, получила отъ него своихъ князей, крестилась со всѣми русскими при Владиміръ Святѣмъ на Днѣпрѣ и жила общеою жизнью всѣхъ русскихъ удѣльныхъ княжествъ.

Въ концѣ XI вѣка въ Галиціи образовалось три княжества: Перемышльское, Тербовльское и Звенигородское подъ владѣніемъ внуковъ Ярослава Мудраго, Рюрика, Володаря и Василька, со столицей въ г. Перемышль.

Сынъ Володаря, князь Володимірко соединилъ три княжества въ одно и въ 1134 году избралъ своей столицей г. Галичъ.

Съ этого времени Галицкая Русь получаетъ огромное значеніе между южно-русскими удѣльными княжествами. Умные, сильные галицкіе князья упорно стремятся къ собранію всѣхъ раздробленныхъ южно-русскихъ земель въ одно цѣлое.

Князь Романъ Галицкій объединилъ княжества Галицкое, Владиміро-Волинское и даже Кіевъ. Но самъ погибъ въ войнѣ съ Польшей въ 1205 году.

Сынъ Романа, князь Даниилъ Галицкій, продолжалъ великую задачу собиранія Руси, еще приумножилъ свои владѣнія и очень удачно воевалъ съ татарами. Слава князя Даниила Галицкаго была необыкновенно велика и въ 1253 г. онъ былъ коронованъ въ Драгичинѣ галицко-волинскимъ королемъ. Онъ постоянно воевалъ съ Польшею и умеръ въ бою.

Одинъ изъ наслѣдниковъ князя Данила, Юрій I, въ 1305 году принялъ титулъ «короля всей Малой Россіи».

Однако, Галицкое княжество не только не выполнило возложенной на него исторіей задачи и роли собирателя русской земли, но даже само потеряло свою самостоятельность и въ несчастномъ 1340 году подпало подъ польское иго.

Галицкая, Червонная Русь принадлежала Польшѣ больше четырехъ столѣтій. Въ 1772 году, Галиція послѣ перваго раздѣла Польши перешла къ Австріи.

Время польскаго владычества было для Галиціи необыкновенно тяжкимъ временемъ. Поляки всячески старались ополчить завоеванную страну и своей первой задачей считали перевести православное населеніе въ католичество. Фанатизмъ поляковъ доходилъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Извѣстны постоянные набѣги запорожцевъ, когда казаки доходили даже до Львова, нещадно избивая поляковъ и выжигая массы панскія усадьбы, мстя панамъ огнемъ за превращеніе православныхъ церквей въ латинскіе костелы, за отдачу церквей въ аренду жидамъ и запрещеніе праздновать русскіе праздники.

Уже черезъ пять лѣтъ послѣ присоединенія Галиціи къ Польшѣ въ городахъ Перемышлѣ, Володиміръ и Холмѣ были латинскіе епископы, а въ Галичѣ былъ даже поставленъ особый католическій архіепископъ.

Какой фанатизмъ охватилъ польскихъ католиковъ, показываетъ примѣръ львов-

скаго римско-католическаго архіепископа Яна Суликовскаго, который отличался крайней нетерпимостью къ православной вѣрѣ. Онъ приказалъ своимъ ксендзамъ и польской шляхтѣ принуждать русскихъ въ Галичинѣ праздновать только католическіе, но никакъ не православные праздники. Когда 24 декабря 1583 года русскіе жители Львова собрались ночью въ церквахъ, чтобы праздновать Рождество Христово, братъ архіепископа, Войцехъ Суликовскій, отиравился во главѣ вооруженныхъ ксендзовъ и уличной черни въ русскія церкви, силою выгонялъ молящихся на улицу, затворялъ церкви и запечатывалъ ихъ двери.

Въ 1596 г. была провозглашена Брестская унія. Галиція крѣпко держалась вѣры отцовъ и уніи не приняла. Тогда русскихъ стали тѣснить еще больше.

Печальную долю галичанъ послѣ Брестской уніи отчасти намъ раскрываетъ протестъ 1598 г., который львовское православное братство внесло въ львовскіе городскіе акты и послало на польскій сеймъ въ Варшаву.

Въ этомъ протестѣ, между прочимъ, было сказано, что «русскихъ священниковъ сажаютъ въ заключеніе, запираютъ церкви, изъ рукъ священниковъ вырываютъ св. Тайны и бросаютъ на землю... Не допускаютъ русскихъ къ ремесламъ, а тѣхъ, которые уже записаны въ цѣхи, порятъ и насиліемъ принуждаютъ ходить въ латинскіе костелы».

Конечно, все это дѣла давно минувшихъ дней; можетъ, ихъ лучше не вспоминать теперь, во время общаго примиренія, но мнѣ

какъ-то вспомнилось то, что было со мною во Львовѣ недѣлю назадъ.

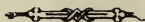
15 іюля 1908 г. я осматривалъ городъ. Обратился къ прохожему и спросилъ его, какъ пройти въ православную церковь, единственную въ городѣ. Тотъ не понялъ и молчалъ. Мой спутникъ съ какой-то жалкой улыбкой сказалъ мнѣ: «Онъ васъ не пойметъ. Здѣсь поляки называютъ православныхъ схизматиками. Надо спросить—гдѣ церковь схизматиковъ».

Мнѣ стало невыразимо стыдно, чтобы я, русскій, могъ когда-нибудь унизиться до того, чтобы назвать свою православную церковь схизматическою. Но... но полякъ уже понялъ... «А, панъ хочетъ церковь схизматиковъ, такъ панъ такъ бы и сказалъ... Какъ же, какъ же, это вонъ тамъ, знаю, знаю, это еще самая бѣдная церковь въ городѣ...»

Московскіе цари всегда болѣли душой о православной Галичинѣ. Когда въ 1584 г. въ Москву пришли монахи изъ Галиціи, то царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ щедро надѣлилъ ихъ деньгами, письмомъ отъ 19 іюля опредѣлилъ имъ на вѣчныя времена изъ казны по 300 рублей въ годъ и подарилъ имъ отъ себя оправленную въ серебро частицу св. Креста. На прощаніе царь сказалъ имъ: «Помните иноки, пока живъ въ Москвѣ русскій духъ, никогда не забудутъ русскіе люди православную Галичину».

Но не выдержала вѣковаго утѣшенія Галицкая Русь. Давно ея аристократія уже ополячилась и стала чуждаться своего народа. Остался въ Галиціи, какъ говорили поляки, лишь хлопъ да попъ. Когда же

часть южно-русскихъ земель, вся заднѣ-
провская украйна съ Кіевомъ соединилась
съ Москвою, то сила галицко-русскаго на-
селенія была сломлена, и въ 1708 году
вся Галиція приняла унію.

II.

Когда Галицкая Русь послѣ раздѣла Польши перешла къ Австріи, то связь ея съ русскимъ міромъ въ церковномъ отношеніи была уже разорвана. Но оттого, что населеніе стало уніатскимъ, оно не перестало быть русскимъ и всегда считало себя однимъ народомъ съ тѣмъ, который живетъ въ Россіи.

Въ 1772 году епископы Львовскій и Перемышльскій сообщили центральному правительству въ Вѣну, что въ Галиціи по приходскимъ книгамъ зарегистрировано 3.700,000 русскихъ. Вотъ противъ этихъ несчастныхъ заброшенныхъ и повело борьбу польскими руками австрійское правительство, желая заставить русскихъ отречься отъ своей національности.

Съ первыхъ же годовъ присоединенія Галиціи, Австрія всегда опасалась, чтобы Россія не пожелала взять Галицію себѣ.

Очень характерны слова нѣмецкаго историка фонъ-Энгеля, которому австрійское правительство поручило написать исторію земли, полученной ею при раздѣлѣ Польши. Фонъ-Энгель пишетъ: «Мы никогда не должны забывать, что въ названіи Червонная Русь можно видѣть основаніе легко включить Галицію въ составъ русскаго государства. А что, если русскій кабинетъ вздумаетъ

утверждать, что Галиція есть русская провинція, вѣдь всѣ знаютъ, что здѣсь властвовали потомки кіевскихъ великихъ князей».

Цѣлый рядъ государственныхъ людей Австріи подали своему правительству особыя записки, гдѣ доказывали, что когда нибудь Россія можетъ потребовать возвращенія Галиціи, какъ русской области, исконно-русской земли, и укрѣплять здѣсь русскій элементъ крайне небезопасно для Австріи.

Всѣ эти заявленія, подкрѣпленныя историческими фактами, имѣли рѣшающее значеніе на политику австрійскаго правительства, и въ Галиціи началась та унижительная политика, которая тянется уже больше ста лѣтъ.

До 1811 г. школьнымъ языкомъ въ Галиціи былъ, конечно, русскій языкъ. На немъ учили и въ начальныхъ школахъ, и въ гимназіяхъ, и на двухъ факультетахъ львовскаго университета. Находя русскій языкъ не безопаснымъ, его изъ школъ изгнали и ввели всюду польскій.

Это былъ большой ударъ русскому дѣлу. Новыя школы стали полонизировать не только высшіе слои общества, но, чего не было раньше, и галицко-русское просто-народье.

Въ 1846 г. Австрія присоединила къ себѣ Краковъ и западную польскую часть Галиціи. Въ это время въ восточной, русской части Галиціи началъ крѣпнуть національный подъемъ и рости сознаніе общности съ Россіей; тогда Австрія, чтобы убить это движеніе, соединила обѣ части Галиціи

русскую и польскую, въ одно управленіе, и отдала русскихъ въ руки поляковъ.

Результаты этого не замедлили сказаться. Нѣмцы стали говорить, что русская Галиція отдана на кормленіе полякамъ, въ Германіи Галицію до сихъ поръ въ насмѣшку называютъ *die polnische Wirtschaft* (польское хозяйство). Когда въ Австріи въ 1869 г. была введена конституція, то Галиція получила въ парламентѣ 63 мѣста. Поляки подѣлили такъ: себѣ взяли 49 мѣстъ, а русскому населенію, которое по численности равно польскому, дали только 19.

Когда въ Галиціи русскіе стали объединяться и благодаря цѣлому ряду патріотическихъ просвѣтительныхъ обществъ стали успѣшно отстаивать свою національность, то поляки стали раздувать украинофильское движеніе, объявили, что въ Галиціи живетъ не одинъ народъ, а два—русскіе и украинцы, начали создавать въ Галиціи эту новую народность и всячески натравливать ее на русскихъ.

Ослабленіе населенія путемъ натравливанія одной части населенія на другую—это отличительная черта царствующей Габсбургской династіи, которой она держится уже нѣсколько сотъ лѣтъ — *Divide et impera* (раздѣляй и властвуй).

Открытіе новыхъ народностей въ XIX и XX вѣкѣ есть явная несообразность, но въ Австріи эта политика не нова.

Вотъ примѣръ, какъ путемъ административныхъ распоряженій Австрія создаетъ новыя славянскія народности.

Слова великаго русскаго народнаго государя Александра III, когда онъ назвалъ

князя Николая черногорскаго своимъ «единственнымъ другомъ», какъ колоколъ, пронесли по всему славянству и по всему міру славяне заговорили о своемъ братствѣ и единеніи.

Нѣмцы нашли, что это очень опасно, и стали вездѣ сѣять зло и злую распрю между славянами.

Боясь развитія велико-сербской идеи въ Босніи и Герцеговинѣ, австрійское правительство въ одинъ прекрасный день объявило циркуляромъ изъ Вѣны, что въ Босніи живутъ не сербы, а особый народъ боснійцы. Такъ какъ въ Босніи жили всегда только сербы, то правительство стало измѣнять сербскій языкъ, образовывать особое нарѣчіе, составлять новую боснійскую грамматику, въ школахъ начали учить на новомъ нарѣчьи и стали всячески натравливать босняковъ противъ сербовъ, говоря, что сербы это ихъ угнетатели, которые лишаютъ босняковъ ихъ національности.

Когда маленькаго мальчика брали изъ семьи и цѣлый рядъ лѣтъ держали въ школѣ, зараженной братоубійственной отравой (другихъ, сербскихъ, школъ нѣмцы не разрѣшали) то мальчикъ начиналъ вѣрить, что боснійцы это особый народъ и, выйдя изъ школы, уже умѣлъ отъ души ненавидѣть угнетателей—сербовъ.

Но Богъ спасъ боснійскихъ сербовъ, нѣмцы ихъ не задушили.

Александръ III умеръ, началась японская война, Россію разбили, Россія была унижена и потеряла въ Европѣ ореолъ своей славы.

Австрія признала образованіе особой

боснійской народности излишнимъ и новымъ административнымъ распоряженіемъ изъ Вѣны боснійскую народность отмѣнила.

Снова было признано, что въ Босніи живутъ только одни сербы, снова открыли сербскія школы, боснійскія закрыли, а новый боснійскій языкъ отовсюду изгнали.

III.

Въ Галицкой Руси украинское движеніе съ каждымъ годомъ все раздувается.

Русскій языкъ отовсюду изгнанъ. Онъ не признается нигдѣ, ни въ судахъ, ни въ администраціи, ни въ школахъ. Когда въ маѣ 1907 года въ вѣнскомъ парламентѣ, гдѣ каждый можетъ говорить на родномъ языкѣ, депутатъ Марковъ заговорилъ по русски—его сейчасъ же лишили слова.

Украинскій языкъ въ школахъ поощряется. Онъ составленъ изъ испорченнаго малороссійскаго нарѣчія съ невѣроятною примѣсью польскихъ словъ и жидовскаго жаргона. Учебники для народныхъ школъ составляются исключительно агентами польско-нѣмецкаго правительства, цѣль которыхъ возможно отдалить языкъ галицкаго народа отъ общаго языка великой Россіи.

Украинскій жаргонъ въ Галиціи настолько не похожъ ни на русскій, ни на малороссійскій языкъ, что когда украинцы въ Полтавѣ хотѣли выпускать книги для пропаганды на украинскомъ языкѣ, то одинъ изъ участниковъ собранія заявилъ: «только ради Бога—не на томъ украинскомъ, который въ Галиціи, тогда насъ ужъ, навѣрное, никто не пойметъ».

Поляки русскихъ школъ въ Галиціи не разрѣшаютъ, и настаиваютъ, чтобы все населеніе училось по-украински.

Въ Галиціи, гдѣ сейчасъ живетъ 3.100.000 русскихъ, поляки не допустили ни одной начальной школы на русскомъ языкѣ, но зато открыли полторы тысячи народныхъ школъ, гдѣ насильно учатъ русскихъ по-украински и по-польски.

Первую украинскую гимназію поляки открыли въ 1872 г., теперь въ Галиціи 5 украинскихъ гимназій, 37 польскихъ и до сихъ поръ во всей Галиціи ни одной русской.

Оба университета во Львовѣ и въ Краковѣ, конечно, польскіе.

Даже самое существованіе русскаго народа въ Австріи официально отрицается.

Несмотря на то, что четыре милліона населенія Восточной Галиціи и Буковины открыто признаютъ себя русскими, говорятъ и молятся по-русски, министръ внутр. дѣлъ Бинертъ, въ вѣнскомъ парламентѣ въ маѣ 1908 г. на слова русскаго депутата Глѣбовицкаго открыто заявилъ, что «русскихъ въ Австріи нѣтъ. Правительство признаетъ лишь особую націю рутеновъ (украинцевъ), которая составляетъ совсѣмъ отличный народъ отъ русскихъ».

Заявленіе Бинерта вызвало въ Галиціи цѣлую бурю негодованія. Редакція газеты «Галичанинъ» получила въ одинъ мѣсяць около 70,000 письменныхъ крестьянскихъ протестовъ противъ явной лжи, что якобы «русскихъ въ Австріи нѣтъ». Но развѣ крестьянскіе голоса дѣлу помочь могутъ?

Особенно характерно, что это позорное

заявленіе было сдѣлано съ одобренія польскихъ депутатовъ, безъ согласія которыхъ не проходитъ ни одно заявленіе центральнаго правительства о Галиціи.

Въ виду этого пріобрѣтаетъ огромное значеніе то, что когда представители Руси державной и Руси подъяремной съѣхались въ Прагѣ, они сейчасъ же соединились и образовали одну общую русскую делегацію. Общій крикъ радости пронесся по всей Галиціи, когда она узнала, что совѣщанія русскихъ и галицкихъ делегатовъ происходятъ вмѣстѣ, что русскіе и галичане крѣпко сознаютъ свое единство и что каждый членъ делегаціи говорилъ всегда отъ лица всего русскаго народа.

*
* *

Поляки натравили украинцевъ на русскихъ, обезвредили ихъ для себя и заставили обоихъ вариться въ собственномъ соку, руками украинцевъ душатъ русскихъ, но сами принижаютъ и тѣхъ, и другихъ.

По переписи 1900 русскихъ галичанъ въ цѣлой Галиціи было 3.074.000. а поляковъ 3.180.000. Почти наполовину, а между тѣмъ, намѣстникъ Галиціи — полякъ, маршалъ областного сейма — полякъ, всѣ чиновники въ Галиціи — поляки, русскаго ни одного, всѣ 76 начальниковъ уѣздовъ, на которые раздѣлена Галиція — поляки, такъ что, имѣя фактически власть въ своихъ рукахъ, поляки дѣлаютъ въ Галиціи все, что имъ угодно. Кромѣ того, созданъ особый постъ министра для Галиціи, который занимаетъ, конечно, тоже полякъ. Онъ проживаетъ въ Вѣнѣ, входитъ въ составъ кабинета и сто-

ить на стражѣ польскихъ интересовъ и польскаго господства въ Галиціи.

Русскихъ нѣтъ нигдѣ, они изъ Галиціи изгнаны. Единственно, куда пускаютъ русскихъ, это еще по судебному вѣдомству, конечно, никогда не давая имъ руководящаго положенія.

Несмотря на почти равное число населенія польскаго и русскаго, несмотря на конституцію, которая, казалось бы, признаетъ за всѣми народностями права равноправности—въ Галиціи хозяйничаютъ и господствуютъ лишь одни поляки, а русскіе—ихъ работники.

Когда въ прусскомъ ландтагѣ весной этого года поляки громко зывали ко всему міру, жалуясь на притѣсненія нѣмцевъ въ Познани, то съ министерскихъ скамей раздалась историческая фраза: «если мы, нѣмцы, еще усилимъ наши репрессіи, то мы все-таки еще далеко не дойдемъ до того совершенства, съ которымъ вы, поляки, угнетаете русскихъ въ восточной Галиціи».

Въ Россіи въ школахъ всѣ поляки, конечно, уже давно учатъ законъ Божій на своемъ родномъ языкѣ. А вотъ что произошло во Львовѣ 3 года назадъ.

Въ 1905 году митрополичья консисторія велѣла священнику 3-й львовской гимназіи преподавать русскимъ дѣтямъ законъ Божій по-русски. Польскія газеты, которыя когда-то не находили словъ презрѣнія русскому правительству по поводу чуждаго языка въ религіи для поляковъ, конечно, держатся иного взгляда относительно русскихъ галичанъ.

Газеты всѣхъ партій подняли адскій

шумъ и крикъ изъ-за того, что руссифицируется польская школа и обрѣзаются права польскаго языка.

Директоръ этой гимназіи, членъ парламента Томашевскій, съ паѳосомъ заявилъ въ львовской городской думѣ, что онъ никогда не пропуститъ русскаго священника въ классъ, если онъ будетъ преподавать законъ Божій по-русски. И это геройское заявленіе директора гимназіи вся городская дума привѣтствовала шумными аплодисментами съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ.

Вотъ какъ по-братски удовлетворяютъ наши галицкіе братья-поляки свои польскія и наши русскія нужды.

Привожу официальные данныя о томъ, какъ помогъ областной сеймъ польскимъ и русскимъ обществамъ, преслѣдующимъ цѣли культурно-просвѣтительныя.

I Частнымъ школамъ и воспитательнымъ заведеніямъ сеймъ назначилъ пособія на 1905 годъ:

Польскимъ.	Русскимъ.
60.490. коронъ *).	12.200.

II. Обществамъ для поощренія науки и просвѣщенія.

Польскимъ.	Русскимъ.
118.400 коронъ.	32.900.

III. Театрамъ.

Польскимъ.	Малорусскому.
(въ Краковѣ и во Львовѣ).	театру, содержимому «Русской бесѣдой»
216.696 коронъ.	18.500 коронъ

*) Австрійская корона равняется 40 к.

IV. Учрежденіямъ художественнымъ и музыкальнымъ.

Польскимъ.

Русскимъ.

46.600 коронъ.

—

V. Поддержаніе историческихъ памятниковъ.

Польскихъ.

Русскихъ.

104.140 коронъ.

500 коронъ на реставрацію церкви въ Ляшкахъ и на реставрацію **жидовской** божницы въ Жолквѣ 1.000 коронъ.

Общая сумма сеймовыхъ субсидій на просвѣтительныя цѣли:

Польскихъ.

Русскихъ.

546.526 коронъ.

64.100 коронъ.

* * *

Привожу слова пѣсни, которой въ Галиціи всюду встрѣчали русскихъ. Ее пѣли при встрѣчахъ на вокзалахъ, въ городахъ, и въ селахъ, и въ деревняхъ.

Вотъ она:

Пора, пора за Русь святую

Идти на бой сынамъ—ура!

Пора за Русь нераздѣлиму

Намъ всѣмъ идти противъ врага.

Богъ намъ поможетъ, Богъ есть съ нами.

Проснись народъ, уже не спи.

Смѣло ступай отцовъ слѣдами

И церковь русскую храни.

IV.

Когда 5 русскихъ делегатовъ,—члены Гос. Думы гр. Бобринскій и Гижицкій, генералъ Володиміровъ, Е. М. Дементьевъ и Г. В. Комаровъ—пріѣхали въ Галицію, они все время были гостями галицкаго народнаго совѣта.

Народный совѣтъ—это политическая организація, въ которую входятъ почти всѣ русскіе члены парламента, представители всѣхъ округовъ галицкой Руси и который стоитъ во главѣ русской политической жизни въ Галиціи.

Народный совѣтъ насъ принялъ, приготовилъ намъ помѣщеніе въ лучшей гостинницѣ Львова, предоставилъ намъ бесплатно экипажи и показалъ намъ все, что могло насъ интересовать.

Народный совѣтъ настаивалъ, чтобы русскіе не ограничились знакомствомъ съ однимъ только Львовомъ, но обязательно проѣхали посмотреть галицкую деревню.

Они говорили, что насколько полякамъ удалось ополячить Львовъ, настолько польское вліяніе совсѣмъ не проникло въ деревню и почти не коснулось крестьянскаго населенія.

Дѣйствительно, городъ Львовъ производитъ тяжелое впечатлѣніе. Здѣсь поляки

совершенно задѣшили русскихъ. По пути отъ вокзала до гостиницы—больше версты—ни одной русской вывѣски, русскихъ церквей не видно, зато въ четверть часа проѣзжаешь мимо четырехъ огромныхъ, вѣликолѣпныхъ костеловъ.

Поляки признаютъ, что въ Львовѣ живетъ не меньше 35 тысячъ русскихъ (всего въ городѣ 180.000 жителей) однако, считаютъ совершенно лишнимъ пускать куда-нибудь русскихъ. Въ городской думѣ древне-русского Львова засѣдаютъ только одни поляки, русскаго они не пустили ни одного.

Когда стало извѣстно, что русскіе хотятъ ѣхать въ деревню, то поляки всячески отговаривали насъ отъ этого необдуманнаго, какъ они говорили, шага. Поляки говорили, что всѣ крестьяне—ярые украинофилы, русскихъ не переносятъ и считаютъ, что москали первые враги галицкаго народа.

Намъ говорили, что если мы поѣдемъ въ деревню, то они не ручаются за нашу безопасность, а если съ нами что-нибудь случится, то въ какомъ положеніи будутъ они, поляки, хозяева Галиціи?

Но мы поляковъ не послушали и въ деревню поѣхали.

* * *

Мы выѣхали изъ Львова въ воскресенье, 13 іюля, въ 6 час. утра. Мы должны были проѣхать около 80 верстъ по желѣзной дорогѣ, и въ Жидачевскомъ округѣ побывать въ двухъ селахъ, въ Бережницѣ-Королевской и въ Заболотницѣ.

Съ нами поѣхали галицкіе депутаты вѣнскаго парламента о. Давидякъ, Маркоу, Глѣбовицкій, депутатъ галицкаго

сейма Вл. О. Дудыкевичъ, редакторъ «Галичанина» Марковъ, Процыкъ и др., всего человекъ 15.

Какъ только мы выѣхали изъ Львова, то первая же деревня, черезъ нѣсколько минутъ, была уже русская. Сразу повѣяло чѣмъ-то своимъ, роднымъ, близкимъ. Совсѣмъ наша кievская или полтавская деревушка.

Слава Богу, пока поляки захватили только 6 подгороднихъ деревень подъ самымъ Львовомъ. Вся остальная часть Галиціи еще въ рукахъ русскихъ.

Въ 8 час. утра мы вышли на маленькой станціи Жидачевъ. Насъ встрѣтилъ мѣстный помѣщикъ Крыськовъ съ супругой и человекъ 60 крестьянъ. Когда мы вышли со станціи и стали садиться въ экипажи, то увидѣли выстроившихся передъ нами 30 верховыхъ—какъ на подборъ подобранныхъ молодцовъ-крестьянъ.

Всѣ они были черезъ плечо красиво перевязаны широкими русскими лентами и сидѣли на маленькихъ крестьянскихъ лошадакахъ, головы у которыхъ были убраны цвѣтами.

Впереди молодецки гарцовалъ красивый, статный крестьянинъ Марущакъ. Къ его правому стремени, на манеръ казацкой пикки, былъ прикрѣпленъ длинный шестъ, на которомъ гордо развѣвался по вѣтру большой русскій флагъ.

Когда мы вышли, Марущакъ скомандовалъ «смирно» и провозгласилъ: «галичане, ура нашимъ братьямъ изъ Россіи».

— Ура, ура! раздалось громко вокругъ насъ.

Когда все смолкло, Марущакъ выѣхалъ

немного впередъ, снялъ шапку и сказалъ, что всѣ галицкіе крестьяне встрѣчаютъ русскихъ однимъ общимъ поклономъ; они никогда не забудутъ, что они такіе же русскіе, какъ тѣ, которые живутъ въ державной Россіи и счастливы, что могутъ видѣть у себя своихъ закордонныхъ братьевъ.

Когда мы поѣхали, то часть нашего крайне почетнаго конвоя ѣхала попарно впереди, а часть тоже попарно сзади. Впереди всѣхъ съ русскимъ флагомъ ѣхалъ Марущакъ.

Мы ѣхали полями верстъ пять. Нѣскольکو разъ попадались маленькіе каменные памятнички; иногда на полѣ стоялъ небольшой крестъ съ образомъ. На нихъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ было написано «за упокой души» такого-то или въ память того-то.

Мы торопились къ началу обѣдни въ Заболотницу и черезъ село Бережница-Королевская проѣхали, не останавливаясь.

Бережница — большое село; здѣсь насъ встрѣчала масса народа. Каждая семья стояла передъ своимъ домикомъ. Кромѣ того массы постороннихъ, которые пришли привѣтствовать русскихъ гостей, заполняли всю улицу села.

Меня поразило, что мы ѣхали по деревнѣ при гробовой тишинѣ, массы народу стояли молча и только кланялись намъ въ поясъ. Насъ изъ толпы крестили, у многихъ были видны на глазахъ слезы, но мы ѣхали при полной тишинѣ и всѣ только кланялись въ поясъ.

Я спросилъ Глѣбовицкаго, который ѣхалъ вмѣстѣ со мною, отчего они такъ кланяют-

ся; онъ только махнулъ рукой и отвернулся „Эхъ, счастливый вы народъ, никогда подъ ярмомъ не были. Нашъ народъ не скоро отъ этого отъучишь. У насъ вонъ паны до сихъ поръ требуютъ, чтобы крестьяне кланялись имъ въ поясъ и цѣловали имъ руку, или полу сюртука“.

Когда мы подъѣхали къ Заболотницѣ, то увидали, что насъ встрѣчаютъ многія, многія тысячи крестьянъ.

Все были въ бѣлыхъ одеждахъ, какъ у насъ ходятъ въ Малороссіи, женщины были одѣты по праздничному, дѣвушки были въ бусахъ. Всюду разставлены арки, украшенные цвѣтами съ надписями: «Здравствуйте, добро пожаловать».

При нашемъ въѣздѣ въ деревню стрѣляло нѣсколько небольшихъ мортиръ.

Когда мы подъѣзжали къ небольшой старенькой, бѣлой, каменной церковкѣ, около которой стѣной стоялъ народъ, то раздались общіе возгласы «добро пожаловать, милости просимъ дорогіе гости, спасибо, что пріѣхали давно желанные» и затѣмъ общее «ура».

Церковь окружена каменной оградой, у воротъ насъ встрѣтили хлѣбомъ - солью. Первымъ поднесъ хлѣбъ-соль самый старый крестьянинъ деревни Заболотницы, а затѣмъ молодая крестьянка на чистомъ русскомъ языкѣ привѣтствовала насъ отъ имени галицкихъ женщинъ и матерей.

Когда мы шли въ церковь, впереди насъ шли 8 маленькихъ дѣвочекъ и посыпали нашъ путь полевыми цвѣтами.

При входѣ въ церковь насъ встрѣтилъ съ крестомъ настоятель. Подавая крестъ

первому изъ насъ, гр. Бобринскому, онъ сказалъ: «Иисусъ Христосъ среди насъ». Бобринскій громко отвѣтилъ: «есть и будетъ».

Когда мы вошли въ церковь, началась обѣдня. Служба была обставлена очень торжественно, служило пять священниковъ, въ томъ числѣ два члена парламента; кромѣ того два священника служили за діаконовъ.

Обѣдня служилась по уніатскому обряду, который очень мало отличается отъ православнаго.

Папу римскаго поминаютъ лишь одинъ разъ и то какъ вселенскаго патріарха, а патріархомъ его признаетъ и православная церковь. Какъ-то странно звучало, когда діаконъ молился... «и о императорѣ нашемъ Францѣ-Іозефѣ... и о ниспосланіи воинству его на враговъ побѣду и одолѣніе...»

Вся служба шла при открытыхъ все время царскихъ вратахъ.

Пѣвчихъ не было. Пѣла хоромъ вся церковь и это общее пѣніе насъ необыкновенно трогало. Церковь, это единственное мѣсто, гдѣ еще поляки оставили народу русскій языкъ. Рядомъ съ церковью стоитъ школа, тамъ уже сидитъ полякъ и учитъ дѣтей «по-украински».

Маленькая церковка была биткомъ набита.

Церковь, какъ въ большой праздникъ, была украшена цвѣтами, березками, вѣточками символа славянства—липы, ельникомъ; цвѣтовъ было очень много, даже большія свѣчи передъ старыми, потемнѣв-

шими ликами св. угодниковъ были по срединѣ перевязаны цвѣтами.

Я всматривался въ лица моихъ сосѣдей. Я давно не видалъ, чтобы молились такъ горячо и съ такою вѣрою.

Рядомъ со мной стояли типичные козаки. Мнѣ показалось даже, что у нѣкоторыхъ чубы были отпущены.

«Эхъ козаки, козаки—подумалъ я,—сильно пригнуло васъ время, а вспоминаете ли вы иногда о своемъ старомъ атаманѣ Хмѣльницкомъ, или о легендарномъ батько Тарасѣ Бульбѣ»...

Глаза всѣхъ, казалось мнѣ, смотрѣли на насъ какъ-то особенно. «А что,—какъ бы спрашивали они—не забыли насъ галичанъ въ Великой Россіи? вѣдь не забыли же русскіе люди, что 4 милліона такихъ же русскихъ живетъ за рубежомъ подъ тяжелымъ польскимъ ярмомъ».

И хотѣлось мнѣ отвѣтить: нѣтъ, братья, не забыли мы васъ и никогда не забудемъ. Всегда будетъ биться наше сердце вмѣстѣ съ вами. Знаемъ мы, что тяжело вамъ, болитъ наше сердце за родную Галичину. Ваша скорбь—наша скорбь. Ваше счастье—наша радость.

И въ этой бѣдной церкви, гдѣ священники служатъ въ старенькихъ ризахъ, всталъ у меня передъ глазами новый грандіозный костелъ, который теперь строятъ поляки во Львовѣ. Весь городъ захватили они, весь городъ въ рукахъ поляковъ. И хотятъ они, чтобы самое большое зданіе въ городѣ былъ великолѣпный латинскій костелъ; откуда въ городѣ ни посмотришь, отовсюду будетъ онъ виденъ.

Пусть гордо красуется польскій костелъ
въ старомъ удѣлѣ Романа и Даніила, слав-
ныхъ князей галицкихъ.

И вспомнились мнѣ стихи поэта, который
тоже когда-то побывалъ въ Галиціи:

Великолѣнные престолы,
Гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь,
И раззолоченный, тяжелый
Огнями залитый алтарь.
Паны колѣнопреклоненны,
Ксендзъ потрепая крестомъ,
Вопять въ молитвѣ благосклонной,
Да снидетъ Богъ своимъ судомъ,
Да окрылитъ на бой ихъ рати
Противъ московскихъ мужиковъ,
Что въ сонмы европейской знати
Взошли по лѣстницѣ чиновъ,
Да снова въ Рѣчи Посполитой
Онъ дастъ имъ гордыя права
И не смутитъ ужъ хлопъ забитый
Пановъ всесильныхъ торжества.

.

А тамъ, вдали, другіе храмы,
Лачуги съ погнутымъ крестомъ
Тамъ хлопы молятся, тамъ хамы,
Съ ихъ подлымъ русскимъ языкомъ.
Тамъ гниль и ветошь, мракъ и сыро
И причащается тамъ хлопъ
Изъ оловяннаго потира
И въ крашенинной ризѣ попъ,
Но духомъ церкви первобытной

Все дышетъ въ бѣдныхъ здѣсь стѣнахъ

• • • • •

• • • • •

И эти вѣрные всечасно

Дрожа за ветхій свой алтарь

О томъ лишь молятъ, молятъ страстно,

Чтобъ ихъ услышалъ русскій Царь.

V.

Послѣ обѣдни насъ пригласилъ къ себѣ настоятель церкви, достоуважаемый о. Іоаннъ Савюкъ. Его домъ почти рядомъ съ церковью. Когда мы шли по селу, то по обѣимъ сторонамъ улицы стояли толпы народа, которыя крайне трогательно и сердечно насъ привѣтствовали.

Приходскій домъ, небольшой домикъ съ мезониномъ, съ деревянными колоннами, очень напоминаетъ нашъ старый господскій домъ. Такіе дома съ колоннами строились у насъ при Екатеринѣ Великой и при Императорѣ Александрѣ I. Теперь такіе дома рѣдко уже попадаютъ.

При входѣ насъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ о. Савюкъ и его супруга. Гр. Бобринскій благодарилъ его, говоря, что мы давно уже выѣхали изъ дому и рады, что могли помолиться въ русской церкви здѣсь на краю Великой Россіи.

При этомъ произошелъ такой случай.

Отецъ Савюкъ, слыша слово «на краю», не разслышалъ, подумалъ, что Бобринскій говоритъ объ украинцахъ и сейчасъ же перебилъ его: «Что вы, что вы, графъ? Какіе мы украинцы, развѣ мы враги своего народа, здѣсь ихъ, слава Богу, нѣтъ».

Бобринскій успѣшилъ пояснить, что онъ не говорилъ объ украинцахъ, онъ и самъ считаетъ, что Галиція есть только часть одной нераздѣльной Россіи.

Этотъ маленькій случай показываетъ, какъ обострили поляки украинскій вопросъ и какъ они успѣли въ своемъ зломъ дѣлѣ.

Обѣдало человѣкъ сорокъ. Было человѣкъ десять крестьянъ, сосѣдніе священники съ семьями, наши слутники изъ Львова и много мѣстныхъ дѣятелей. Обѣдъ проходилъ въ общей, самой искренней, задушевной бесѣдѣ. Все время говорили рѣчи, было много тостовъ.

Настроеніе у всѣхъ было самое восторженное.

Насъ звали снова пріѣхать въ началѣ сентября, когда въ г. Ярославлѣ будетъ годовое собраніе общества Качковскаго, на которое сходятся десятки тысячъ крестьянъ со всей Галиціи.

Много говорили о мечтѣ, которую галичане лелѣютъ уже много, много лѣтъ и которая кажется близка къ осуществленію—открыть во Львовѣ первую въ Галиціи гимназію на русскомъ языкѣ. Членъ Думы Гижицкій говоритъ, что если гимназію откроютъ къ будущему году, то онъ пришлетъ въ нее своего сына.

Онъ говоритъ: научите моего маленькаго сына любить Россію, какъ вы ее любите.

Большой садъ передъ домомъ наполнили крестьяне. Составился хоръ. Пѣли народныя пѣсни. Большинство пѣсенъ тѣ же, которыя поетъ у насъ весь югъ Россіи. Очень красиво выходило, когда огромный хоръ пѣлъ старую кievскую застольную

пѣсню, которую всегда пѣвали на пирахъ князя Владиміра - Красное Солнышко:

Ужъ я золото хороню, хороню;

Ужъ я красное хороню, хороню.

* *

Послѣ обѣда въ читальнѣ имени Качковскаго состоялся крестьянскій спектакль.

Общество въ память извѣстнаго галицкаго патріота Качковскаго основано лѣтъ сорокъ назадъ протоіереемъ Наумовичемъ.

Лѣтъ сорокъ назадъ поляки съ особеннымъ рвеніемъ старались ополячить забитое, приниженное русское населеніе.

Поляки были тогда, какъ впрочемъ и до сихъ поръ, хозяевами положенія. Русскимъ приходилось очень тяжело, русскіе задыхались. Надо было спасать въ Галичинѣ русскую національность, поляки могли ее задушить.

Тогда появилось просвѣтительное общество имени Качковскаго.

Общество сразу широко развернуло свою дѣятельность. Оно начало издавать для народа въ огромномъ количествѣ популярныя книги и брошюры на русскомъ языкѣ, открыло по всей Галиціи цѣлый рядъ народныхъ читаленъ и всячески старалось поднять народное самосознаніе.

Общество, во главѣ котораго стали лучшіе галицкіе люди, говорило народу о блестящемъ прошломъ Червонной Руси, поддерживало любовь къ державной Россіи и укрѣпляло въ народныхъ массахъ вѣру въ славное будущее великаго русскаго народа.

Богъ благословилъ святое дѣло. Общество Качковскаго за 35 лѣтъ издало, кромѣ массы

брошюръ, болѣе тысячи разныхъ книгъ, которыя разошлись въ огромномъ количествѣ, 12 милліоновъ экземпляровъ. Теперь общество имѣетъ 28 отдѣловъ во всѣхъ городахъ Галиціи и около полуторы тысячи народныхъ читаленъ по всей странѣ.

* * *

Когда крестьяне узнали за нѣсколько дней о нашемъ прїѣздѣ, то рѣшили устроить въ читальнѣ спектакль.

Читальня стоитъ по срединѣ села, недалеко отъ церкви. Это довольно большой одноэтажный домъ, въ которомъ только одна очень большая комната. Часть этой залы занята сценой.

Когда мы подходили, то всюду около читальни стояли огромныя толпы народа. Со всѣхъ сторонъ все время приходили и прїѣзжали новые люди, изъ окружающихъ деревень, услышавъ о нашемъ прїѣздѣ.

Мы прошли подъ двумя арками. На одной была надпись изъ цвѣтовъ: «здравствуйте», а на другой: «милости просимъ». Входъ и самая читальня внутри была очень красиво убрана цвѣтами, березками, елочками. Вездѣ были вѣточки липы.

Народу было очень много, часть размѣстилась въ залѣ, остальные стояли вокругъ читальни, масса народа съ улицы смотрѣла въ окна.

Передъ эстрадою размѣстился маленькій крестьянскій оркестръ: 3 скрипки, 1 віолончель и 1 флейта.

На занавѣси по срединѣ нарисованъ портретъ Михаила Качковскаго, а по бокамъ большими буквами были слова: «молися, учися, трудися, трезвися». По

стѣнамъ въ простенькихъ рамахъ были развѣшены портреты Качковского, Наумовича, Пушкина, Гоголя, Шевченко, Г. П. Данилевскаго, Лермонтова и Толстого.

Спектаклемъ руководилъ священникъ соседней деревни Бережница - Королевская, членъ парламента отъ здѣшней округи о. Сеникъ.

Когда мы заняли приготовленные намъ мѣста, онъ первый насъ привѣтствовалъ.

Онъ говорилъ, что Червонная Русь, младшая дочь великой и сильной семьи, беретъ жизнь изъ того же большого могучаго дерева, которое называется Россіей. «Спасибо вамъ, наши милые, дорогіе гости, что вы къ намъ пріѣхали. Вы насъ ободрили, дали намъ новыя силы, спасибо вамъ, что не погнушались нами и даже пришли сюда въ нашу холопскую, крестьянскую читальню.»

Затѣмъ сказалъ нѣсколько очень теплыхъ, сердечныхъ словъ крестьянинъ Скобликъ. только что прискакавшій сюда за 30 верстъ со своими односельчанами.

Спектакль начался сценой «Читальня».

Молодая, красивая женщина изображаетъ Россію, вокругъ нея дѣти: «Малая Русь, Бѣлая, Великая Русь, Червонная».

Дѣти называются Оля, Володя и т. д.

Россія—мать молится, чтобы Богъ не далъ ей потерять одного изъ своихъ маленькихъ.

Мать говорить:

Добре, добре, мои дѣти.

Кругомъ матеръ обступите

Ваша мати въ ту годину

Проживае лиху днину

Много горя ворогъ лютый

Шле на ню, щобъ ю согнути.

Володя.

Горе треба подѣлити,

Щобъ го легче пережити.

Русь говоритъ, чтобы дѣти ее обступили
тѣснѣе.

Мати сердцемъ васъ огрѣе

И покровомъ васъ окрые.

Богъ могучій да поможе,

Бо спасти лишь Онъ васъ може.

.

Володя спрашиваетъ маму:

Насъ учили, что ты Мати,

Святы церкви и палаты

По всей Руси будовала,

Свѣтъ богатствомъ удивляла.

Оля.

А на галицкихъ престолахъ

Князь, княгиня засѣдали

И на Руси царствовали.

Володя.

Гдѣ жъ князѣ тѣ? Гдѣ жъ ихъ слава

Ни на вѣки же пропала

Русь говоритъ, что слава русская не
пропала,—нѣтъ, напала только ночь, но за-
ря уже алѣетъ.

Не пропала наша слава

Перейдетъ ночь.

.

А тамъ взойдетъ зорька ранна

Всѣмъ намъ дюже пожеланна.

Затѣмъ Мати рассказываетъ дѣтямъ, ка-
кая Галиція была раньше сильная и мо-
гучая.

Оля.

Кто жь дерзнулъ Русь понижати?

Русь.

Темнота—нашъ непріятель.

.

Русь молится, чтобы Богъ спасъ Россію
и послалъ ей просвѣщенія.

О сошли намъ, Духу Божій
Просвѣщенія лучъ сей гожій,
Глянь на людъ мой милостиво.
Бо онъ темный, несчастливый
Озари и посѣти
Свѣтомъ правды просвѣти.

Въ это время справа появляется яркій
свѣтъ. Всѣ удивляются.

Володя.

Мы такъ сжились съ темнотою,
Что разить насъ свѣтъ собою.

Входитъ дѣвушка. Она вся увѣшана
книжками, русскими газетами, въ рукѣ зо-
лотой крестъ, на головѣ у нея надпись:
«Ч и т а л ь н я».

Она входитъ и говоритъ:

«Миръ да буде дому сему»:

.

Съ добрымъ словомъ къ вамъ являюсь
Бо «Читальня» называюсь
Всѣхъ учу я, просвѣщаю,
Добрый быть вамъ возвѣщаю.

.

Вдругъ Мать съ безпокойствомъ спрашиваетъ:

Хоть читальня и богата
Да можетъ ядъ несешь проклятый,
Если Бога нѣтъ въ читальнѣ
А лишъ науки радикальны

Если въ школѣ не учать исторіи своего
народа, любви къ родинѣ, нѣтъ въ читальнѣ
русской рѣчи:

А духъ русскій какъ въ оковахъ
То не пойдутъ мои дѣти
Эти чудны русски цвѣти.

Но Читальня успокаиваетъ ее, говоря:

Церковь, Богъ и всѣ святые
Обрядъ, Вѣра и Азбука
Вотъ мой скорбъ, моя наука,
Въ моихъ книжкахъ Бсгъ и вѣра
Нѣтъ тамъ ложи, нѣтъ невѣры.

Тогда Русь подводитъ къ ней своихъ дѣтей говоря:

Отдаю тебѣ тѣ цвѣти,
Мои милы, русски дѣти.

Невозможно передать того настроенія,
того душевнаго волненія, въ которомъ мы
всѣ были все время съ утра, въ церкви, видя
весь этотъ народъ и которое особенно
охватило насъ въ читальнѣ. У всѣхъ были
слезы на глазахъ.

VI.

Послѣ маленькаго перерыва, занавѣсъ снова поднялся, всѣ актеры были на сценѣ и началась декламація.

Одна дѣвочка необыкновенно трогательно говорила: «Дорогіе братья!

«Одна только Русь была, есть одна, какъ одинъ Богъ на небѣ и одна будетъ по конецъ свѣта. Каждый знаетъ, что Рюрикъ былъ нашимъ первымъ княземъ. Дальше наша исторія рассказываетъ, что вся Русь крестилась на Днѣпрѣ княземъ Владиміромъ Великимъ, потомкомъ Рюрика и внукомъ св. Ольги, княгини, цѣлой Руси. По смерти Владиміра былъ княземъ всея Руси его сынъ, Ярославъ Мудрый, послѣ князь Мономахъ, московскій царь Иванъ Калита, князья Романъ, Даніилъ и Левъ Галицкій— всѣ они потомки Владиміра, великаго князя цѣлой Руси».

Вдругъ я оглянулся. Мой сосѣдъ Глѣбовицкій, закрывъ лицо руками, плакалъ навзрыдъ, какъ маленькій ребенокъ. Рядомъ съ нимъ у почтеннаго Вл. О. Дудыкевича, слезы катились градомъ.

Въ эту минуту я вспомнилъ поляковъ, которые еще вчера всячески отговаривали насъ отъ поѣздки въ деревню, говоря, что крестьяне ненавидятъ москалей и что, если

мы поѣдемъ, то они не ручаются за нашу жизнь.

Когда дѣвочка кончила читать, то хоръ запѣлъ:

Гей же, братья Галичане,
Ужъ насталь часъ и пора
Щобъ на Руси небосклонѣ
Засіяла намъ зоря.

Зоря правды и любви
Щобъ злучила всѣхъ сыновъ
Що родились въ русскомъ краѣ
Гдѣ красуесь Галичъ, Львовъ
Мы червонной Руси дѣти
Пятьсотъ лѣтъ стоимъ въ борбѣ,
У насъ нѣтъ друзей - сосѣдей
Только Богъ и мы одни.

Разомъ руки, разомъ силы
Мы часть міра, мы народъ
«Русь едину» передадимъ
Нашимъ дѣтямъ зъ рода въ родъ.

Нѣсколько разъ потомъ пѣлъ еще хоръ, потомъ снова декламировали, читали стихи Хомякова.

Необычайное волненіе охватило всѣхъ во время рѣчи графа Бобринскаго. Онъ тоже говорилъ со сцены, его голосъ постоянно прерывался отъ слезъ.

Всѣ дѣти, выходя передъ публикой, начинали словами: «слава Іисусу Христу». Бобринскій, выйдя, поклонился народу и тоже такъ началъ:

«Братны,—говорилъ онъ, слава Богу, что Онъ привелъ насъ сюда, слава Богу, что мы все это видѣли. Мы вернемся теперь

къ нашей матери-Россіи и скажемъ ей что не забыла ее, что любитъ ее ея дочь, Червонная Русь. Вы знаете, мы ѣдемъ изъ Праги, кажется, Богъ благословилъ нашу работу, мы всѣ хотимъ общаго равенства, свободы и братства, съ нами были и поляки, можетъ, вамъ теперь будетъ легче жить.

Братцы, я больше не могу говорить, меня душатъ слезы».

Общій подъемъ былъ необычайный.

Въ это время изъ толпы выбѣжала дѣвочка лѣтъ 14-ти, обняла Бобринскаго и начала его цѣловать. Бобринскій разрыдался, перекрестилъ дѣвочку и поцѣловалъ ее.

Потомъ, когда немножко успокоились, снова говорили мы, пріѣзжіе русскіе, затѣмъ наши хозяева.

Не хотѣлось разставаться съ народомъ, трудно было уходить изъ читальни, но насъ торопили ѣхать въ другую деревню, гдѣ насъ тоже ждали.

По дорогѣ изъ читальни насъ обступило много молодежи, дѣтей, всѣ разспрашивали про Россію. Одинъ мальчикъ сказалъ мнѣ, «Мы чувствуемъ, что мы съ вами братья: мы всѣ родные, мы одна кровь и одна кость, зачѣмъ же поляки и украинцы учатъ насъ, что мы разные народы».

Когда мы уѣзжали изъ Заболотниці, весь народъ насъ провожалъ, толпа кричала: «Пріѣзжайте, опять будемъ васъ ждать, долго ждать васъ будемъ». Насъ закидывали цвѣтами.

Вокругъ насъ снова ѣхалъ почетный конвой изъ 30 всадниковъ, перевязанныхъ

черезъ плечо широкими русскими національными лентами. Впереди всѣхъ ѣхалъ молодчина Марушакъ. Надъ нимъ гордо и красиво развѣвался по вѣтру большой русскій флагъ.

Черезъ четверть часа мы пріѣхали въ Бережницу-Королевскую. На улицахъ насъ встрѣчала масса народа. Мы заѣхали въ гостепріимный домъ къ священнику о. Сенику.

Хозяинъ встрѣтилъ насъ на порогѣ со словами: «Гость въ домъ, Богъ въ домъ».

Во время обѣда на взмыленныхъ лошадяхъ въ экипажѣ прискакали 4 священника. По дорогѣ они обогнали 8 телѣгъ съ крестьянами, которые спѣшили за 50 верстъ, услышавъ о нашемъ пріѣздѣ.

Къ крайнему сожалѣнію, они насъ уже не застали.

Обѣдъ въ нашу честь имѣлъ характеръ великаго семейнаго торжества. Все время говорились рѣчи.

У всѣхъ у насъ одно желаніе — пріѣхать въ Россію и сейчасъ же начать писать. Какъ можно больше писать и писать въ газетахъ. Пусть въ Россіи всѣ знаютъ о томъ великомъ, святомъ, что мы здѣсь видѣли и пережили.

Послѣ обѣда въ саду составилъ общій хоръ. Пѣли и гости, и хозяева. Пѣли «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «ахъ, вы сѣни мои, сѣни», «эй, ухнемъ» и другія пѣсни, которыя поетъ народъ въ Галиціи.

Когда мы уѣзжали изъ Бережницы, стрѣляли мортиры, народъ провожалъ насъ общимъ пѣніемъ. Очень многіе провожали насъ на станцію.

На станціи мы встрѣтили мѣстнаго начальника уѣзда. Онъ ждалъ насъ. Намѣстникъ Галиціи послалъ его посмотрѣть, что будутъ дѣлать русскіе въ деревнѣ съ крестьянами. Начальникъ уѣзда, полякъ, былъ очень любезенъ и все благодарилъ насъ за честь, которую мы ему сдѣлали, посѣтивъ именно его уѣздъ.

Мы прощались съ нашими хозяевами, благодарили ихъ, звали пріѣхать къ намъ въ Россію, звали ихъ въ Москву на все-славянскую выставку.

Когда подѣхалъ поѣздъ, мы сѣли всѣ вмѣстѣ, многие провожали насъ до Львова.

Когда поѣздъ тронулся, то на станціи всѣ запѣли. Мы начали пѣть, высунувшись изъ оконъ вагона, стоя на площадкахъ. Образовался грандіозный хоръ. Вотъ пронеслись первые звуки мощной, народной, галицкой пѣсни и черезъ минуту хоръ громко и бодро запѣлъ:

Пора, пора за Русь святую
Идти на бой сынамъ, ура,
Пора за Русь нераздѣлиму
Идти намъ всѣмъ противъ врага.
Богъ намъ поможетъ, Богъ есть съ
нами.

Вставай народъ, уже не спи.
Смѣло ступай отцовъ слѣдами
И церковь Божию храни.

Поѣздъ уходитъ, намъ кричатъ: «до свиданья, братья, не забывайте въ Россіи о галичанахъ!» Звуки пѣсни все тише и тише, гдѣ-то далеко еще слышно:

Пора за Русь нераздѣлиму
Идти намъ всѣмъ противъ врага.

А рядомъ со мной стоитъ полячекъ, кланяется и благодаритъ насъ за ту «великую честь», которую мы ему сдѣлали и пріѣхали именно къ нему въ уѣздъ.

Я отхожу отъ окна и иду въ купэ. На чальникъ уѣзда садится, къ нему подходятъ два шпіона, которые все время, пока мы въ Галиціи, ходятъ по нашимъ пятамъ и начинаютъ ему что-то тихо рассказывать.

Въ 11 ч. веч. мы пріѣхали во Львовъ.

Цѣна 20 коп.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

914.371 K83P

C001

Po Chekhii posliej Prazhskago sčiežda.

3 0112 105906934